

С. С. Григорьева

Тверской государственный университет, магистрант

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Миловидов

ДЕСТРУКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ: К ПРОБЛЕМЕ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Современная коммуникативная среда перенасыщена деструктивными формами языкового поведения, поэтому одной из актуальных проблем современной лингвистики является разработка мер языковой экологии, которая призвана преодолеть эти тенденции. Но, прежде чем создать инструменты этого преодоления, необходимо проанализировать соотношение понятий «деструктивная языковая практика» и «экология языка».

Исчерпывающего описания самого феномена деструктивной коммуникации пока нет, поэтому мы, опираясь на мнения разных исследователей [Волкова 2014, Никодимова 2018], представим нашу точку зрения. Мы будем называть деструктивной такую коммуникацию, которая разрушает личность объекта языковой агрессии, а именно его психику, мировоззрение, систему ценностей через подрыв его категориального аппарата, являющегося главным условием адекватной жизнедеятельности человека в социуме. Человек зависим от отношения к нему других людей; являясь носителем субъективности, он испытывает воздействие объективного социума, поэтому противоречивые внешние сигналы и знаки способны воздействовать на его психику негативно [Jones 1987: 62]. Данные сигналы оформляются в языке, именно поэтому с проблемой деструкции неразрывно связана экология языка или эколлингвистика (не путать с лингвозоологией как дисциплиной, борющейся с иностранными заимствованиями), которая призвана разработать меры снятия вреда, наносимого человеку различными формами деструктивной коммуникации.

В современной научной практике принято считать, что к деструктивным формам коммуникации относятся любые проявления вербальной агрессии, т. е. любая форма агональной коммуникации (например, исследователь А. Д. Никодимова причисляет шантаж к деструктивной коммуникации [Никодимова 2018]).

Нам видится, что существуют явные и тайные виды деструктивной коммуникации. К явным относятся такие формы агональной коммуникации, как спор, шантаж, оскорбление, но их отличительной особенностью является то, что они направлены не столько на разрушение, сколько на мобилизацию внутренних ресурсов личности, на которую направлена языковая агрессия. Иначе дело обстоит с тайными, неявными деструктивными языковыми стратегиями – они исподволь разрушают

психику контркоммуниканта, а потому более опасны. Именно на изучении этого вида практик мы остановимся в нашем исследовании. Конкретно нас будут интересовать софистика, как один из самых опасных видов разрушительных форм коммуникации, и парадоксы как средства деструкции категориального аппарата, формирующего ментальный, психологический каркас личности. И в том, и в другом случае мы имеем также дело с разрушением стереотипов, которые унифицируют, стандартизируют действительность. Именно сквозь призму имеющихся у него в опыте стереотипов человек оценивает себя и своё окружение. Наличие стереотипов в сознании человека и является «питательной средой» парадоксального и софистического высказываний, которые формируют свои эффекты, «выводя» реципиента за рамки стереотипов, разрушая последние, показывая их относительность.

Анализ парадокса и софизмов в настоящем исследовании проводится на основе двух наборов инструментов. Поскольку парадокс и софизм – логико-дискурсивные явления, лингвистика здесь должна воспользоваться помощью логики, а логика (которая, в основном, и занимается анализом парадоксов и софизмов) – лингвистики. Теория предикации как добротный лингвистический инструмент уже была нами использована при изучении парадоксов и софизмов [Григорьева 2017, Григорьева 2018, Григорьева 2019]. Разницу же между первым и вторым хорошо проиллюстрировать с помощью математической логики – так называемых кругов Эйлера.

Леонард Эйлер (1707-1783), логик и математик, предложил модель исчисления сравнительной семантики понятий, находящихся в определённых отношениях друг к другу. «По характеру отношений между их объёмами понятия делятся на **совместимые** (когда элементы объёма одного понятия частично или полностью принадлежат объёму другого понятия) и **несовместимые** (когда ни один элемент объёма одного понятия не принадлежит объёму другого понятия)» [Синюк 2008: 4].

Исследователь А. И. Синюк далее разворачивает описание двух групп: «Между совместимыми понятиями могут быть отношения тождества или равнозначности, пересечения или частичного совпадения объёмов, подчинения. Между несовместимыми понятиями – противоположности, противоречия. Для иллюстрации отношений между объёмами понятий применяются круговые схемы (круги Эйлера). Каждый круг обозначает объём какого-либо понятия, а каждая точка круга – отдельный элемент этого объёма» [там же]. Круги, в соответствии с моделью Эйлера, в процессе взаимодействия вступают в различные отношения.

Совместимые понятия находятся в отношении равнозначности (мыслится один и тот же предмет) или подчинения (одно понятие полностью входит в объём другого – родовидовые отношения). В

отношении противоречия находятся понятия, содержащие разные, но не взаимоисключающие признаки, в отношениях противоположности – понятия с взаимоисключающими признаками) [Синюк 2008: 4-6].

Поскольку понятия не существуют в логике и языке автономно, а входят в категориальные классы, подмена понятий, происходящая в рамках парадокса и софизма, обуславливает межкатегориальный сдвиг и, соответственно, разбалансировку, расшатывание категориального аппарата личности – перлокутивный эффект реализации деструктивных стратегий. Но в парадоксе и софизме этот межкатегориальный сдвиг осуществляется по-разному. В первом случае, как мы полагаем, сдвиг осуществляется в рамках первой модели, описанной Эйлером – между совместимыми понятиями. В случае с софизмом мы имеем в виду второй из описанных Эйлером случаев, и сдвиг осуществляется между понятиями несовместимыми.

Данный сдвиг обеспечивается внутренне противоречивым характером предикативной структуры парадоксального высказывания и софизма. С одной стороны, и в первом, и во втором случаях мы имеем дело с безупречной синтаксической конструкцией, обеспечивающей то, что мы назвали бы презумпцией текстуальности [Миловидов 2016: 48] – только на этом фоне и можно «разыгрывать» те языковые игры, что лежат в основе парадокса и софизма. «Игры» эти происходят уже не на синтаксическом, а на лексическом уровне предикативных структур софистического и парадоксального высказывания. Основанная на синонимии, полисемии и омонимии подмена понятий, лежащая в основе парадокса и софизма, формирует столкновение двух пропозициональных структур, реализованных в единой предикации – одна из них базируется на стереотипе, вторая этот стереотип разрушает (как и сам принцип стереотипизации, лежащий в основе процедур категоризации).

Начнём с описания парадоксального высказывания, взяв в качестве примера известный парадокс из пьесы О. Уайльда «Женщина, не стоящая внимания».

1) *“One should never trust a woman who tells one her real age. A woman who would tell one that would tell one anything”* [Wilde 2014: 27] (даме, не скрывающей своего возраста, нельзя верить, так как она может рассказать всё, что угодно).

Интерпретация данного парадокса может вестись следующим способом. Мишенью парадоксального высказывания является стереотипизированное понятие-представление «женщина, которая не скрывает своего возраста, правдива», соотносящееся с категориальной оппозицией «правда / ложь». Быть «правдивым», с точки зрения устоявшихся стереотипов – это быть способным рассказать «все, что есть», чему в английском языке соответствует неопределённое местоимение

everything. Но в тексте (и в стоящей за предикацией пропозиции место данного терма занимает слово *anything* («все, что угодно»), которое обладает более широкой семантикой, чем *everything* и включает в себя не только сему «все, что есть», но и сему «чего нет и чего быть не может». Оно и становится основой второй пропозиции, зафиксированной предикативно. При этом *anything* оказывается родовым понятием по отношению к видовому *everything*. Вытеснение видового понятия родовым видоизменяет стереотип, лежащий в основе высказывания. Результат – формирование новой пропозиция «женщина, которая не скрывает своего возраста, может сказать все, что угодно, то есть, и солгать», и разрушение категориальной оппозиции «правда / ложь».

Но родовидовые отношения, по Эйлеру, есть отношения совместимости. Иное – в софистическом высказывании.

Рассмотрим следующий пример софистического высказывания.

2) «*Лекарство для больного добро (1). Чем больше делать добра, тем лучше (2). Значит, лекарство нужно принимать как можно больше (3)*».

Софистическая игра происходит между категориями «субстанция» и «качество». В первом предложении софист использует слово «добро» в значении «полезное вещество», тем самым активизируя в сознании реципиента категорию «субстанция». Во втором же предложении активизируется категория «качество». Софисту удаётся замаскировать процедуру отождествления двух категориальных полей за счёт безупречной синтаксической конструкции, затушёвывающей различия омонимов, представленной одной лексемой «добро», однако на пропозициональном уровне теперь содержится логическая ошибка, которая разрушает принцип категоризации. Причём, в софизме, в отличие от парадокса, налагаются друг на друга несовместимые, несоотносимые понятия.

Рассмотрев механизмы функционирования парадоксов и софизмов, мы находим, что перлокутивным эффектом данных высказываний будет разрушение принципа категоризации, самой категориальной системы, которая является каркасом когнитивной картины мира реципиента. Но если в первом случае спровоцированный парадоксом категориальный сдвиг относится к совместимым и совмещаемым категориям, а потому не фатален для всей категориальной системы в целом, то в случае с софистикой удар наносится по самим основаниям категориальной системы. Расшифровка и исчисление парадоксов и софизмов есть средство раскрытия их деструктивного потенциала и, следовательно, одно из средств борьбы за экологию языка и речепроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дисс. ... док. филол. наук: 10.02.19. Волгоград: Перемена, 2014. 46 с.

Григорьева С. С. (2017) Лингвистические характеристики парадокса (на материале пьесы О. Уайльда “The Importance of Being Earnest”) // Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты». Тверь, 27.04.2017. URL: <http://rgf.tversu.ru/pages/900> (дата обращения: 03.05.2020).

Григорьева С. С. (2018) Структурно-семантические характеристики парадокса (на материале пьес Оскара Уайльда) // Материалы X Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты». Тверь, 26.04.2018. URL: <http://rgf.tversu.ru/pages/903> (дата обращения: 03.05.2020).

Григорьева С. С. (2019) Софизм как коммуникативный феномен // Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты». Тверь, 25.04.2019. URL: <http://rgf.tversu.ru/pages/1088> (дата обращения: 03.05.2020).

Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса. М.: Буки Веди, 2016. 172 с.

Никодимова А.Д. Шантаж как феномен деструктивной коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2018. 179 с.

Синюк А.И. Круги Эйлера: Отношения между понятиями: Пособие для преподавателей и студентов вузов по курсу «Логика». Альметьевск: Академия наук социальных технологий и местного самоуправления, 2008. 35 с.

Jones, M.V. DOSTOYEVSKY – Driving the Reader Crazy // Essays in poetics. Keele, 1987. №12,1. P. 57-80.

Wilde O. A Woman of No Importance. Bloomsbury Publishing, 2014. 176 p.